ВАЛЕРИЙ СНАТКИН

НАЗАД В СССР: ФАРЦОВЩИК. ТОМ 4

Валерий Снаткин

Назад в СССР: Фарцовщик. Том 4

«Автор»
2026

Снаткин В.

Назад в СССР: Фарцовщик. Том 4 / В. Снаткин — «Автор», 2026

1980 год. До открытия Олимпиады в Москве остаются считанные месяцы, и на кону стоит всё. Я — Александр Орлов, и мое кодовое имя «Эксперт» теперь открывает любые двери от Лубянки до Совмина. Под моим контролем находится главный распределительный хаб Игр, диско-империя в Лужниках и колоссальные потоки валютного импорта.Но на вершине власти не прощают чужаков. Разгромленные министерские кланы Внешторга и акулы из ЦК КПСС наносят ответный удар. В игру вступает Особый отдел, и за мной захлопываются тяжелые двери Лефортово по обвинению в измене Родине.У закупщика из 2026 года нет права на ошибку. Мне предстоит выдержать жесткий аудит в застенках, дойти до самого Андропова и защитить свой первый миллион долларов. Олимпийский огонь вот-вот вспыхнет, и я заберу свой главный дебет в этой большой игре.

© Снаткин В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Пролог. Олимпийский огонь 6
Глава 1. Январский прессинг 7
Глава 2. Импортный капкан 9
Глава 3. Ночные Лужники 12
Глава 4. Железный занавес Лефортово 15
Глава 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Валерий Снаткин
Назад в СССР: Фарцовщик. Том 4

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом в жанре альтернативной истории. Все персонажи, события, наименования организаций, ведомственных структур и коммерческих схем вымышлены. Любое совпадение с реальными историческими лицами или событиями является случайным.

Автор не преследует цели оскорбить чьи-либо чувства, не пропагандирует употребление табачной и алкогольной продукции, а также не призывает к нарушению законодательства. Упоминание предметов и явлений эпохи служит исключительно для создания художественной атмосферы времени. 16+

Пролог. Олимпийский огонь

19 июля 1980 года. Москва замерла у экранов телевизоров, но здесь, в огромной каменной чаше Центрального стадиона имени Ленина в Лужниках, воздух буквально звенел от напряжения ста тысяч человеческих сердец.

Александр Орлов стоял в закрытой правительственной ложе, расположенной всего в нескольких метрах от сектора с иностранными дипломатами и высшим руководством Политбюро. На нем был безупречно скроенный темный костюм-тройка от финских портных, а на левом запястье тускло поблескивали тяжелые золотые часы. В руке он небрежно держал красный номенклатурный пропуск Оргкомитета Игр высшей категории.

Под торжественный, нарастающий гром фанфар по беговой дорожке стадиона пробежал баскетболист Сергей Белов с пылающим факелом в руке. Он поднялся по белым ступеням к главной чаше. Секунда тишины — и над Лужниками в вечернее московское небо взмыл мощный, ослепительный столб Олимпийского огня. Стадион взорвался оглушительным, единым ревом трибун.

Рядом с Александром, прикрыв рот ладонью от нахлынувших эмоций, стояла Галина Свиридова. В роскошном вечернем платье и легкой меховой накидке она выглядела как королева столичного высшего света. В её глазах отражались золотистые отсветы олимпийского пламени.

— Саша… Мы сделали это, — тихо прошептала она, прижимаясь к его плечу. — Посмотри вокруг. Весь мир смотрит на Москву. И половина логистики этого праздника держится на твоих контрактах.

Александр едва заметно улыбнулся, глядя на пылающую чашу. Внутренний директор по закупкам и кризис-менеджер из 2026 года внутри него сейчас подводил промежуточный баланс.

Путь от спекуляций импортной косметикой в ленинградских туалетах до этого балкона в Лужниках занял меньше двух лет. Провинциальные бандиты вроде Валика-Мордвина остались в прошлом. Московские кланы Минвнешторга, пытавшиеся вывезти золото Гохрана через его фуры, были разгромлены. А его кодовое имя «Эксперт» на Лубянке теперь открывало любые двери от кабинетов КГБ до Совмина.

Но глядя на праздничный салют, Александр Орлов не испытывал иллюзий. Он слишком хорошо помнил, какой ценой далась эта победа. Ему пришлось пройти через застенки Лефортово, выдержать прессинг Особого отдела и нанести ответный удар по акулам из ЦК КПСС.

Этот олимпийский 1980 год начинался в январе с жесточайшего мороза и смертельной ловушки, когда вся его многомиллионная империя висела на волоске.

Орлов поправил шелковый галстук и повернулся к Галине. Главная игра только вступала в свою решающую фазу. И закупщик из будущего собирался забрать из этого олимпийского котла свой первый чистый миллион долларов.

Глава 1. Январский прессинг

Январь 1980 года ворвался в Москву лютыми крещенскими морозами и жестким номенклатурным контролем. Столица готовилась к Олимпиаде, и воздух на проспектах буквально звенел от невидимого напряжения. По центральным улицам чаще обычного курсировали милицейские патрули, проверяя документы у приезжих, а в недрах ведомств шла тихая, безжалостная зачистка города от любого нежелательного элемента.

Александр Орлов стоял у панорамного окна штаб-квартиры синдиката в сталинской высотке на Котельнической набережной. За заиндевевшим стеклом, в белесой морозной дымке, лениво дымили трубы московских ТЭЦ, а по набережной сплошным потоком ползли черные «Волги» и служебные «ЗИЛы».

Внутренний директор по закупкам и логистике из 2026 года внутри него сейчас работал на предельной частоте. Для обычных советских теневых дельцов предолимпийская зачистка столицы стала приговором — фарцовщики попрятались по норам, боясь облав ОБХСС. Но Александр Орлов превратил этот жесткий режим в свой главный конкурентный ресурс. Закрытый город означал монополию. А монополия означала сверхприбыль.

— Саша, сверка по Внешторгбанку закрыта, — в просторную гостиную вошла Галина Свиридова.

На ней был строгий, идеально скроенный костюм-двойка из темно-синей финской шерсти, а в руках она держала пухлую кожаную папку с золотым тиснением Оргкомитета. Галя подошла к журнальному столику и положила документы прямо поверх свежих спецификаций на поставку аппаратуры.

— Дебет с кредитом по декабрьским дискотекам в Лужниках и закрытым показам в «Интуристе» сошелся до копейки, — продолжила она ровным, деловым голосом финансового директора. — Чистая выручка на спецсчете фонда ЛМО — сто восемьдесят тысяч рублей. И главное: через финских контрагентов по линии «Совтрансавто» нам удалось конвертировать первую часть теневой прибыли в инвалютные рубли. Пятьдесят тысяч уже лежат на закрытом депозите в Хельсинки. Ни одна ревизия Госбанка не подкопается.

Александр повернулся к ней и тепло улыбнулся, подошел и мягко коснулся её плеча.

— Отличная работа, Галочка. Моя школа финансового аудита дает стопроцентный результат. Но расслабляться рано. Завтра утром в столицу заходит финальный караван фур из Финляндии с лазерными установками и акустикой *Sharp-9000*для Главной олимпийской арены. Это последний крупный завоз перед началом жесткого пограничного карантина. Нам нужно принять груз без единой заминки.

В этот момент тяжелая дубовая дверь прихожей распахнулась, и в квартиру, шумно отряхивая снег с воротника новенькой дубленки, ввалился Колька Смирнов. Следом за ним, похозяйски засунув руки в карманы куртки, зашел верный Толик.

— Саш, Лужники готовы к приему техники! — с порога доложил Колька, потирая замерзшие щеки. — Мы с Мягковым из Оргкомитета подписали все акты допуска. Завтра в восемь утра рампы сектора «Б» будут свободны, охрану мы выставили свою, из комсомольского оперотряда. Но там на автобазе «Совтрансавто» какие-то мутные типы крутятся. Толик двоих срисовал у ворот — в дорогих пальто, явно не работяги. Похоже, недобитые люди Токарева-старшего из Минвнешторга всё еще зубами скрипят из-за того золота.

— Пусть скрипят, Коля. У них больше нет рычагов давления в Москве, — спокойно ответил Орлов, хотя его внутренний радар рисков мгновенно зафиксировал новую переменную. — Толик, завтра на разгрузке глаз не спускать. Если кто сунется без пропуска Оргкомитета — работаешь по старой схеме, без лишнего шума.

Не успел Александр закончить инструктаж, как в коридоре резко и требовательно зазвонил черный дисковый телефон прямой связи с Лубянкой. Орлов нахмурился и снял трубку.

— Орлов слушает.

— Здравствуй, «Эксперт», — в мембране раздался глухой, напряженный голос майора Седова. Никаких приветствий и любезностей — чекист говорил быстро, словно отбивал шифровку. — Слушай внимательно и не перебивай. Час назад по каналам контрразведки прошла перехваченная депеша из Хельсинки. Финская фирма-поставщик, через которую вы везете завтрашний звук для Лужников, находится под колпаком западных спецслужб. В партию акустических систем заложена закладка. Специальная шпионская аппаратура для прослушивания правительственных лож на стадионе.

У Александра внутри словно щелкнул ледяной тумблер. Ситуация из обычного коммерческого транзита мгновенно превратилась в смертельную политическую ловушку.

— Токарев и Строгов из ЦК знают об этом? — коротко, свинцовым тоном спросил Орлов.

— Пока нет, — жестко ответил Седов. — Но если завтра утром эту технику разгрузят в Лужниках и её найдет Особый отдел КГБ, ни я, ни Лукьянов тебя не спасем. Тебя возьмут прямо на арене как агента западной разведки, ввезшего шпионское оборудование под прикрытием олимпийских контрактов. Это расстрел без суда, Александр. Встречай фуры лично на рассвете. И зачисти груз до того, как к нему прикоснутся посторонние. Связь окончена.

В трубке раздались короткие гудки. Александр медленно опустил её на рычаги. Галина и Колька замерли, глядя на внезапно потемневшее лицо своего лидера.

Номенклатурные акулы и западные разведки сплели вокруг его олимпийского хаба двойной узел. И у «Эксперта» оставалось меньше восьми часов, чтобы переиграть их всех на рассвете ледяного московского утра.

Глава 2. Импортный капкан

Пятый час утра встретил окраину Москвы колючим морозным туманом и глухим рокотом дизелей. Грузовая автобаза «Совтрансавто» на Варшавском шоссе в этот час напоминала замерзшую крепость. Редкие желтые прожекторы на бетонных столбах выхватывали из темноты заиндевевшие борта рефрижераторов, а воздух пах соляркой и жженой резиной.

Караван из трех синих фур *Volvo*замер у внутренних ворот ангара. Свинцовые пломбы Выборгской таможни тускло поблескивали в свете фонарей. Экспедиторы Минвнешторга в этот раз на разгрузку не приехали — после позора в Торфяновке министерские крысы предпочитали держаться от грузов Орлова подальше, надеясь, что ленинградский выскочка сам свернет себе шею на шпионской закладке.

Александр Орлов стоял у ворот ангара, засунув руки в карманы расстегнутого зимнего пальто. Внутренний директор по закупкам и кризис-менеджер из 2026 года работал в режиме абсолютной концентрации. Рядом, притопывая валенками на морозе, ждали Колька Смирнов и Толик.

— Загоняем первую машину в бокс и закрываем ворота на засов, — ледяным, командным тоном распорядился Александр. — Никаких грузчиков базы. Разгружаем сами. Толик, встанешь у калитки. Если кто сунется — говоришь, что идет закрытый осмотр Особого сектора КГБ.

Тяжелые створки ангара с металлическим скрежетом сомкнулись, отсекая уличный холод. Внутри просторного, гулкого бокса зажглись яркие потолочные лампы.

Толик одним точным ударом инструмента сбил таможенную пломбу, и двери фуры распахнулись. Внутри полуприцепа, перетянутые капроновыми лентами, высились ряды огромных картонных коробок с яркими фирменными логотипами *Sharp*и маркировками скандинавских поставщиков. Именно эти мощные студийные мониторы должны были пойти в правительственный сектор и судейские ложи Лужников.

— Коля, за дело, — Орлов указал на первый ряд коробок. — Вскрываем выборочно. Ищи нестандартную пайку, лишние провода или залитые компаундом блоки. Западные разведки любят прятать закладки в трансформаторах питания — там фон от сети маскирует передатчик.

Колька Смирнов, забыв про мороз и усталость, мгновенно включил режим гениального технаря-радиолюбителя. Он ловко полоснул ножом по скотчу первой коробки, вытащил массивную колонку в черном матовом корпусе и вооружился импортной крестовой отверткой.

Через пять минут задняя стенка акустической системы легла на верстак. Колька вооружился мощным фонариком и увеличительной лупой, сантиметр за сантиметром просвечивая внутренности колонки.

— Чисто, Саш. Заводская японская сборка, пайка идеальная, ни одного левого провода, — доложил Смирнов, вытирая лоб рукавом. — Берем следующую.

Вторая и третья колонки тоже оказались стерильными. Время неумолимо утекало — в семь утра на базе начиналась рабочая смена, а к восьми технику уже ждали на рампе Лужников. Напряжение в ангаре становилось звенящим.

Когда Колька вскрыл четвертый ящик из самого дальнего угла прицепа — тот самый, на котором стояла специальная маркировка «VIP-сектор А» — его пальцы замерли на винтах задней панели.

— Саш… Глянь сюда, — тихо, с внезапной хрипотцой в голосе позвал Смирнов. — Шлицы на верхних саморезах сорваны. Её вскрывали уже после завода.

Александр мгновенно подошел к верстаку. Толик, оставив пост у двери, тоже шагнул ближе, инстинктивно сжимая в кармане тяжелую монтировку.

Колька аккуратно снял крышку. На первый взгляд внутри всё выглядело обычно: огромный низкочастотный динамик, звукопоглощающая вата и плата фильтров. Но когда Смирнов сдвинул слой синтепона у самого магнита, в тусклом свете фонарика блеснул небольшой, размером со спичечный коробок, герметичный цилиндр из анодированного титана. От него к силовому кабелю питания тянулись два тончайших, почти невидимых волоска в фторопластовой изоляции.

— Вот она, тварь… — прошептал Колька, чувствуя, как по спине пробежал ледяной пот. — Это не просто микрофон, Саш. Это автономный импульсный ретранслятор. Он накапливает звук из ложи Политбюро и раз в сутки за долю секунды выстреливает сжатый пакет на спутник или в посольство. Если бы Особый отдел нашел эту дрянь в Лужниках… Нас бы к стенке поставили до обеда.

Александр Орлов смотрел на титановый цилиндр абсолютно спокойно. Внутренний кризис-менеджер внутри него уже просчитал всю цепочку этой провокации. Финские контрагенты сыграли втемную, подставив его олимпийский транзит. Но в бизнесе XXI века любая чужая закладка — это прежде всего актив, который можно перекупить или перенаправить.

— Не трогай пайку, Коля. Не обрывай провода, — ледяным тоном приказал Александр. — Проверяем остальные коробки из партии «VIP». Нам нужно знать точное количество закладок.

За следующие сорок минут Смирнов обнаружил еще два точно таких же устройства в колонках, предназначенных для правительственных помещений стадиона. Вся шпионская сеть западной разведки лежала перед ними как на ладони.

— Толик, забираешь эти три колонки в наш резервный фургон. В Лужники вместо них поставим чистые из второго ряда, маркировку переклеим, — быстро распорядился Александр, глядя на наручные часы. — А эти три «музыкальных шкатулки» мы прямо сейчас везем на Лубянку, майору Седову.

— Зачем везти, Саш? Давай я их монтировкой в пыль раскрошу и в Москве-реке утоплю! — предложил Толик.

— Утопить улику — это дилетантство, Толик. А передать контрразведке работающий канал западных спецслужб — это инвестиция в нашу абсолютную неприкосновенность, — цинично усмехнулся Орлов, застегивая пальто. — Седов получит орден за раскрытие шпион-

ской сети перед Олимпиадой, а мы получим железобетонный иммунитет от любых наездов ЦК КПСС. Коля, грузи технику. Времени в обрез.

Пока Александр Орлов и его команда ликвидировали шпионский капкан на Варшавском шоссе, в центре Москвы, в просторном кабинете на Старой площади, разворачивалась совсем другая партия.

Товарищ Строгов из Идеологического отдела ЦК КПСС сидел за столом напротив сухощавого, подтянутого мужчины в форме полковника госбезопасности. Это был начальник Особого отдела по обеспечению Олимпиады полковник Звягинцев — жесткий аппаратчик, ненавидевший выскочек из смежных управлений вроде Седова.

— Поймите, Николай Иванович, этот питерский студент Орлов полностью вышел из-под партийного контроля, — глухо, с нескрываемой злобой чеканил Строгов, постукивая тяжелым карандашом по столу. — Седов с Литейного прикрывает его липовыми актами, Лукьянов из Госснаба закрывает глаза на пересортицу. А тем временем этот «Эксперт» превратил Лужники в рассадник буржуазной заразы, крутит валютный импорт через «Космос» и возит фуры из Финляндии без досмотра! В Минвнешторге мне прямо сказали: через его каналы на Запад утекает информация и ценности. Пора прекратить этот номенклатурный беспредел.

Полковник Звягинцев холодно прищурился, изучая справку на Александра Орлова, которую принес куратор ЦК.

— Если у вас есть основания подозревать его в связях с иностранными контрагентами, Валентин Петрович, мы возьмем его в разработку. Без всякого согласования с Вторым управлением Седова, — жестко ответил начальник Особого отдела. — Мои люди уже установили за ним наружное наблюдение у гостиницы «Космос». Как только этот ваш Орлов сделает первый неверный шаг с западной техникой — мы закроем его в Лефортово. И никакие олимпийские мандаты ему не помогут.

Строгов торжествующе откинулся на спинку кресла. Новая, смертельно опасная петля вокруг шеи закупщика из будущего начала стремительно затягиваться, даже несмотря на его ночной триумф на автобазе.

Глава 3. Ночные Лужники

Субботний вечер превратил Малую спортивную арену Лужников в неприступную, но ярко освещенную цитадель закрытого досуга. У центральных дверей сектора «Б» дежурил усиленный наряд милиции в парадных шинелях и двое крепких парней из комсомольского оперотряда во главе с Толиком. Сегодняшний вечер в официальном расписании Оргкомитета значился как «международный вечер дружбы для аккредитованных специалистов и технических консультантов Олимпиады-80».

Внутри огромной чаши арены гремел настоящий праздник западного капитализма, легализованный под флагом социалистического гостеприимства. Колька Смирнов, запершись в звукорежиссерской будке под самым куполом, творил чудеса. Немецкие лазерные установки резали сизый от сигаретного дыма воздух на сотни острых рубиновых и изумрудных лучей, а мощнейшие студийные мониторы *Sharp-9000*— те самые, чистые, отобранные Александром на утренней ревизии — выдавали настолько плотный и сочный бит *Boney M.*и *ABBA*, что вибрировали даже бетонные перекрытия трибун.

На танцполе внизу зажигали около четырехсот человек. Здесь не было случайных людей с улицы. В зал допускались только финские инженеры-строители из гостиницы «Космос», французские монтажники телеоборудования, дипломаты из посольств и сливки московской «золотой молодежи» с номенклатурными пропусками Смоленской площади.

Александр Орлов стоял на балкончике VIP-ложи, лениво попивая минеральную воду из хрустального стакана. Внутренний директор по закупкам и логистике из 2026 года внутри него сейчас с холодным расчетом фиксировал идеальную работу монетизационной модели.

Схема, которую он придумал для обхода советской статьи за незаконные валютные операции, была безупречной. В закрытых барах подтрибунного сектора, которыми командовала дерзкая блондинка Лариса, иностранцы не платили долларами или финскими марками в открытую. На входе гости обменивали свою валюту в легальном передвижном пункте Внешторгбанка на специальные «гостевые талоны Оргкомитета». А уже за эти картонные талончики Лариса и её девчонки наливали им элитный кубинский ром, вскрывали баночное пиво *Tuborg*и выкладывали на стойку блоки американских сигарет *Marlboro*.

За каждую банку пива или порцию рома иностранцы оставляли талоны эквивалентом в пять-десять долларов. Галина Свиридова в соседней кастелянской комнате аккуратно пересчитывала эти талоны и проводила их через официальные акты списания продуктов «повышенной амортизации». Половина валюты оседала на государственном счете Внешторгбанка для отчетности перед Госпланом, а вторая половина, по секретной договоренности с финскими партнерами «Совтрансавто», зачислялась на закрытый депозит синдиката в Хельсинки.

— Саш, оборот за первые три часа пробил планку в двенадцать тысяч инвалютных рублей, — в ложу бесшумно зашла Галина. На ней было строгое, но изящное вечернее платье, а в руках она держала кожаную папку с ведомостями. — Лариса просит подвезти со склада еще двадцать ящиков баночного пива и десять блоков «Мальборо». Французские телевизионщики гуляют на всю катушку, требуют продолжения до утра.

— Давай им зеленый свет, Галочка. Толик уже спускается в подвал за резервом, — тепло улыбнулся Александр, накрывая её ладонь своей. — Номенклатурный сервис должен работать без перебоев.

В этот момент тяжелая дверь VIP-ложи мягко открылась, и внутрь, обдав присутствующих морозным воздухом служебного коридора, зашел майор Седов. На нем был безупречный темно-серый костюм, а под глазами залегли глубокие тени бессонной ночи, но в серых глазах чекиста горел холодный, хищный азарт победителя.

Галина деликатно кивнула майору, забрала свою папку и вышла, оставляя мужчин наедине. Седов подошел к барьеру ложи, глядя вниз на лазерное безумие танцпола, и не спеша прикурил сигарету.

— Красиво у тебя тут, «Эксперт», — негромко, перекрывая глухие басы *ABBA*, произнес чекист, выпуская струю дыма под своды арены. — Настоящий западный витринный лоск. Все иностранные спецы как на ладони, мои люди в зале уже зафиксировали троих кадровых разведчиков из посольства ФРГ, которые пытались вербовать наших техников у барной стойки. Но я зашел не за этим.

Седов повернулся к Александру, и его лицо стало предельно серьезным:— Техники Второго управления закончили экспертизу тех трех колонок *Sharp*, которые ты привез утром на Лубянку. Это шедевр западного шпионажа, Орлов. Импульсные передатчики высочайшего класса, работающие через спутник. Если бы эти ящики попали в правительственную ложу на открытии Игр, утечка секретной информации Политбюро была бы катастрофической. Руководство Комитета в восторге. Прямо сейчас наши специалисты перенастраивают эти три закладки. Мы поставим их в пустые переговорные комнаты и будем круглосуточно гнать через них дезинформацию для американцев и финнов. Ты обеспечил контрразведке стратегическую победу еще до старта Олимпиады.

— Рад служить государственной безопасности, товарищ майор, — ровным, спокойным тоном ответил Александр. — Надеюсь, это снимает любые вопросы по поводу легитимности моих финских контрактов?

Седов нахмурился и затушил сигарету о массивную хрустальную пепельницу. Его взгляд стал тяжелым и тревожным.

— По линии моего управления и Внешторгбанка ты чист, как слеза младенца. Но у меня для тебя плохие новости, Александр, — тихо проговорил чекист. — В Москве слишком много сил, которым ты перешел дорогу. Строгов из ЦК КПСС и разгромленные кланы Минвнешторга объединились. Они поняли, что через меня и Госснаб тебя не достать. Поэтому Строгов задействовал свои старые связи в руководстве Особого отдела КГБ.

Александр даже не шелохнулся, лишь пальцы, сжимавшие стакан с минералкой, слегка побелели.— Особый отдел? Это же военная контрразведка. Какое отношение они имеют к олимпийской дискотеке?

— Прямое, — жестко ответил Седов. — На время проведения Игр Особому отделу под руководством полковника Звягинцева даны чрезвычайные полномочия по зачистке столицы от шпионов и экономических диверсантов. Звягинцев — жесткий сталинский служака, он не подчиняется ни мне, ни твоему Лукьянову. Строгов слил ему информацию о том, что твои фуры идут из Финляндии без таможенного досмотра, и намекнул, что ты связан с западными спецслужбами. Звягинцев уже взял тебя в разработку. Будь предельно осторожен в ближайшие дни, «Эксперт». Если он возьмет тебя с поличным на контакте с иностранцами или на валюте — я не успею прикрыть тебя с ходу.

Седов коротко кивнул, поправил пиджак и так же бесшумно выскользнул из ложи, растворившись в полумраке коридора.

Александр остался один на балконе. Гремящая музыка и яркие вспышки лазеров внизу вдруг показались ему далекими и приглушенными. Внутренний калькулятор рисков внутри него заработал на максимальных оборотах.

Звягинцев и Особый отдел. Это был враг совершенно иного калибра. Не продажный капитан ОБХСС Громов, не уголовник Мордвин и даже не трусливый прокурор Полуянов. Особый отдел КГБ работал без предупреждений, без оглядки на партийные чины и олимпийские мандаты. Если полковник Звягинцев по наводке Строгова решил закрыть «Эксперта» в Лефортово, он нанесет удар в самый неожиданный момент.

Дискотека в Лужниках гремела до четырех утра, принеся синдикату рекордные двадцать пять тысяч инвалютных рублей. Но когда Александр на рассвете вышел из служебного подъезда гостиницы «Космос», где проводил финальную сверку сменных касс с Ларисой, его внутренний радар опасности сработал слишком поздно. Из утреннего морозного тумана к обочине бесшумно подкатили две черные «Волги» без опознавательных знаков, и навстречу Орлову стремительным, слаженным шагом двинулись четверо крепких мужчин в одинаковых длинных кожаных пальто.

Глава 4. Железный занавес Лефортово

Предрассветный мороз сковал проспект Мира в звенящую тишину. Две черные «Волги» без опознавательных знаков замерли у самой обочины гостиницы «Космос», отрезая путь к стоявшей неподалеку служебной машине. Двигатели тихо урчали на холостых оборотах, выпуская в морозный воздух густые клубы белого пара.

Четверо мужчин в одинаковых длинных кожаных пальто двигались с пугающей, отработанной до автоматизма синхронностью. Двое мгновенно зашли с флангов, отсекая возможность рывка в сторону сквера, а двое шагнули прямо навстречу Александру Орлову.

Внутренний кризис-менеджер внутри Александра мгновенно просчитал диспозицию. Оказывать физическое сопротивление здесь и сейчас — самоубийство. Это не лиговская шпана и не бегунки с Галереи. Перед ним работала элита военной контрразведки — Особый отдел КГБ СССР. Любое резкое движение к карману за удостоверением закончится выстрелом на поражение без предупреждения.

— Гражданин Орлов Александр Петрович? — старший группы, сухощавый офицер с жестким, высеченным из камня лицом, остановился в шаге от него, демонстрируя раскрытое удостоверение Особого отдела. — Вы задержаны по санкции руководства контрразведки по подозрению в совершении особо тяжкого государственного преступления. Измена Родине в форме экономического саботажа и связи с западными спецслужбами. Оружие, запрещенные предметы есть? Руки на капот!

— Оружия нет. Но вы совершаете грубейшую ведомственную ошибку, товарищ майор, — ровным, ледяным тоном произнес Александр, не делая ни единого лишнего движения, но сохраняя абсолютное, подавляющее спокойствие. — Я заместитель руководителя Дирекции снабжения Оргкомитета Олимпиады-80. В моем левом внутреннем кармане находится предписание Второго управления КГБ за подписью Седова.

— Ваши питерские филькины грамоты здесь не действуют, — отрезал контрразведчик, кивая напарнику.

Холодная сталь наручников с сухим, металлическим щелчком сомкнулась на запястьях Александра. Офицеры провели быстрый, профессиональный обыск, изъяв из пиджака красную папку Оргкомитета и золотые часы, после чего жестко усадили его на заднее сиденье второй «Волги», зажав с двух сторон.

Через секунду черные машины с визгом шипованной резины сорвались с места и понеслись по пустынному Садовому кольцу в сторону юго-востока столицы. Александр смотрел в заиндевевшее окно, глядя на проносящиеся мимо огни. Строгов из ЦК КПСС и разгромленные кланы Минвнешторга нанесли свой главный, смертельный удар. Они обошли Седова, обошли Лукьянова и бросили против «Эксперта» тяжелую артиллерию Особого отдела.

Через двадцать минут «Волги» нырнули под тяжелые, обитые листовым железом ворота на Энергетической улице. Лефортово. Самый закрытый и мрачный следственный изолятор Советского Союза, откуда в 1980 году по валютным и шпионским статьям уходили только в одном направлении — под расстрельный приговор военной коллегии Верховного суда.

Дальше всё закрутилось по жесткому, безжалостному конвейеру казенной машины. Приемный покой, холодный свет лампочек под потолком, опись изъятых вещей, снятие шнурков и ремня. За спиной Александра с тяжелым, утробным лязгом захлопнулась массивная обитая сталью дверь одиночной камеры.

В узком бетонном мешке пахло сыростью, хлоркой и безысходностью. Орлов сел на привинченную к полу железную койку. Внутренний директор по закупкам из 2026 года внутри него сейчас работал в режиме экстренного кризисного штаба. Паника — это смерть. Нужно было оценить активы.

В Зеленогорске спрятаны слитки золота Гохрана. В высотке на Котельнической набережной осталась Галина с синей папкой счетов. В Лужниках сегодня вечером должна открыться вторая смена олимпийской дискотеки, на которую завязаны иностранные делегации. Но главное — на руках у самого Александра не осталось ни единого документа. Все его козыри сейчас лежали на столе у начальника Особого отдела полковника Звягинцева.

Ровно через час в замке камеры заскрежетал тяжелый ключ. Дверь распахнулась, впустив в камеру двух конвоиров с каменными лицами.

— Орлов, на выход! Руки за спину! Лицом к стене не поворачиваться!

Его повели по длинным, гулким коридорам спецкорпуса. В конце галереи конвоиры остановились у массивной дубовой двери, обитой черным дерматином, коротко стукнули и втолкнули Александра внутрь.

Кабинет для допросов был просторным и пустым. Никаких портретов на стенах, только голый стол, привинченный к полу табурет и яркая настольная лампа, направленная прямо в лицо арестованному. За столом сидел подтянутый, сухощавый мужчина лет пятидесяти в безупречном мундире полковника госбезопасности. На его плечах тускло поблескивали тяжелые золотые погоны. Это был сам начальник Особого отдела полковник Звягинцев. Перед ним на зеленом сукне лежали красная папка Оргкомитета Олимпиады-80 и изъятые у Александра документы.

Звягинцев не спеша прикурил сигарету, выпустил плотную струю дыма в сторону лампы и впился в Александра тяжелым, немигающим взглядом сталинского следователя.

— Ну здравствуй, «Эксперт», — тихо, но со свинцовой угрозой произнес полковник. — Приехали. Твои игры в олимпийского коммерсанта закончены. Строгов из ЦК и товарищи из Минвнешторга передали нам исчерпывающие материалы по твоим финским каналам. Неучтенная валюта в «Космосе», транзит фур «Совтрансавто» без таможенного досмотра, контакты с иностранцами. И самое главное — наши люди перехватили информацию о том, что через твои контейнеры из Хельсинки в Москву прошла партия шпионской прослушивающей аппаратуры. Майор Седов тебя больше не прикроет — его самого сейчас проверяет инспекция по личному составу за превышение полномочий.

Звягинцев наклонился вперед, и его холодные глаза сузились до двух узких щелей:— У тебя есть ровно один шанс сохранить себе жизнь, Орлов. Прямо сейчас ты подписываешь чистосердечное признание в шпионаже в пользу западных разведок и сдаешь все тайники с валютой и золотом, которые вы со Свиридовым прячете в Ленинграде и Москве. В противном случае через неделю военный трибунал вынесет тебе высшую меру. Ручка на столе. Начинай писать.

Капкан захлопнулся намертво. В застенках Лефортово, лишенный связи, документов и поддержки Лубянки, Александр Орлов оказался один на один с самой безжалостной силовой машиной СССР.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.